

ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

Научная статья
УДК 82-31/821.111(73)
doi: 10.17223/23062061/31/2

НАЦИОНАЛЬНАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ГЕРОЯ-ЭМИГРАНТА В ЭМИГРАНТСКОЙ ПРОЗЕ Г. ИВАНОВА И Г. МИЛЛЕРА СТАТЬЯ ПЕРВАЯ: УТРАТА ИСКОННОГО НАЦИОНАЛЬНОГО МИРА И ЛЮБВИ

Иван Иванович Назаренко¹

¹ *Томский государственный университет, Томск, Россия, Nazarenko42@yandex.ru*

Аннотация. Сопоставляются роман Г. Миллера «Тропик Рака» (1934) и повесть Г. Иванова «Распад атома» (1938). Ракурс сопоставления – ситуации самоидентификации героев-эмигрантов в аспекте проявления их национальной идентичности. В первой статье внимание обращается на истории центральных персонажей повести и романа, различие их образа жизни в эмиграции, их мироотношения. Объясняется роль «любовных» коллизий как попытки погружения в телесно-чувственное проживание жизни. Делается вывод о типологических сходениях в изображении ситуации эмиграции как отпадения от национальной культуры, а также о различии в трактовке национальной самоидентификации персонажей.

Ключевые слова: Г. Иванов, «Распад атома», Г. Миллер, «Тропик рака», национальная самоидентификация, герой-эмигрант, распад любви

Для цитирования: Назаренко И.И. Национальная самоидентификация героя-эмигранта в эмигрантской прозе Г. Иванова и Г. Миллера. Статья первая: утрата исконного национального мира и любви // Текст. Книга. Книгоиздание. 2023. № 31. С. 6–24. doi: 10.17223/23062061/31/2

PROBLEMS OF TEXT: THEORY AND PRACTICE

Original article

NATIONAL SELF-IDENTIFICATION OF THE EMIGRANT HERO IN THE EMIGRANT PROSE OF GEORGY IVANOV AND HENRY MILLER. ARTICLE ONE: LOSS OF PRIMORDIAL NATIONAL WORLD AND LOVE

Ivan I. Nazarenko¹

¹ *Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, Nazarenko42@yandex.ru*

Abstract. The research material is *Tropic of Cancer*, a 1934 novel by the American novelist Henry Miller, and “Disintegration of the Atom”, a 1938 story by the Russian poet Georgy Ivanov. The aim of the article is to compare the plot situations of self-identification of emigrant heroes in terms of the manifestation of their national identity in order to understand how the problem of national self-identification of a person of the modern era in exile is exacerbated. The first article draws attention to the stories of the central characters, to the difference in their way of life in emigration, their world relations, their love conflicts. The heroes are united by the formation of their national and personal identity in their native world and the identity crisis in a foreign environment (although it is not at the center of the narration). According to Miller, a person’s national identity is determined primarily by a biological factor (“blood”). An emigrant (more broadly, a modern person with a blurred national identity) is a voluntary exile who does not live the life offered by the community (clan, nation), but independently chooses a motherland, looking for one’s own value space. However, the change of national identity, according to Miller, is impossible. In the plot of the central character’s self-identification, his national identity is tested: he is approaching the discovery of his national (American) self-consciousness, although he remains in Paris. According to Ivanov, the national identity of a person, on the contrary, is associated with the native soil (territory) and culture, and separation from the soil creates a state of total disconnection from any matter. “Atom” is an emigrant who has broken away from the whole (Russia), retaining his national identity (although it is eroded in emigration), but doomed to a spiritual decay outside his homeland, in any foreign environment. The dominant traits of Americans that Miller’s hero rejects in himself and in others are optimism and pragmatism, the trait of a true American (himself) is vitality. The dominant features of the Russian national character are idealism and striving for the beyond (according to Ivanov and his hero, “metaphysical masturbation”). The love line is significant in the national self-identification of the heroes of Miller and Ivanov, since the nostalgic experiences of the heroes come down to the loss of their beloved, symbolizing the lost native world. In both

works, the heroes' attempts to overcome the memory of their beloved are given, both heroes unsuccessfully try to compensate for the unrequited feeling in relations with reduced substitutes for the beloved (mistress, prostitute). The destruction of the myth about a woman brings Miller's hero closer to liberation, but Ivanov's hero cannot exist without love and makes an existential choice of death.

Keywords: Georgy Ivanov, "Disintegration of the Atom", Henry Miller, *Tropic of Cancer*, national self-identification, emigrant hero, disintegration of love

For citation: Nazarenko, I.I. (2023) National self-identification of the emigrant hero in the emigrant prose of Georgy Ivanov and Henry Miller. Article One: Loss of primordial national world and love. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 31. pp. 6–24. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/31/2

Первая половина XX в. – время революций, мировых и гражданских войн и массовых миграций – породила не только тип писателя-эмигранта¹, но и целые ветви эмигрантских литератур, временно отведенных в сторону от общенационального «потока» (литература русской послереволюционной эмиграции, литература немецкой антифашистской эмиграции и т.д.). Одни писатели-эмигранты оказались навсегда выброшены из родного мира, сохранив национальную идентичность или, напротив, став гражданами мира (русские и немецкоязычные писатели: И. Бунин, Г. Иванов, В. Набоков, Г. Газданов, Э.М. Ремарк, братья Манн и др.). Для других пребывание в чужой стране стало важным этапом жизненного и творческого пути (англоязычные писатели: Дж. Оруэлл, Э. Хемингуэй, Г. Миллер и др.). Эмиграция обостряет проблему национальной идентичности, важную составляющую личностной идентичности человека. Писатели конструируют собственную идентичность в образе героя-эмигранта, в той или иной мере близкого автору, наделенного его личным эмигрантским опытом.

Э. Эриксон указывает, что идентичность человека, помимо ощущения внутреннего единства и непрерывности личности, – это и потребность индивидов «чувствовать, что они представляют некоторый особый род (клан или нацию, класс или касту, семью, профессию или тип), чьи знаки отличия они будут носить с тщеславием и убежденностью и защищать» [1. С. 247]. Национальная идентичность предполагает «самоидентификацию с определенным политическим (национальное государство) и культурным (национальная культура) сообществом» [2. С. 79]. Как пишет С. Хантингтон, национальная идентичность большинства людей связана с исторически и культурно значимой территорией, «утра-

---

¹ Можно вспомнить и о более раннем варианте писателя-эмигранта (изгнанника): Овидий, Данте, Андрей Курбский...

та которой признается катастрофой, влекущей за собой утрату национальной идентичности» [3. С. 90]. Проявления территориальной идентичности могут быть ослаблены, например, у американцев, поскольку Северная Америка была освоена переселенцами из Европы [3. С. 90–91]. М.Н. Попова считает, что личностная национальная идентичность может быть следствием сознательного выбора человека под влиянием разных факторов («происхождение, воспитание, эмиграция» [4. С. 21]). Тем не менее почти невозможно сменить генетическую этническую культуру, особенности которой гнездятся в сфере подсознательного, «впитанные <...> нередко в неотрефлексированном виде» [4. С. 21].

Произведения двух писателей-эмигрантов разных национальных традиций – повесть «Распад атома» русского поэта Георгия Иванова (1894–1958) и роман «Тропик Рака» американского прозаика Генри Миллера (1891–1980) – выбраны для сопоставления с целью обнаружить сходство и различие трактовки самоидентификации героев-эмигрантов, проявления их национальной и культурной идентичности в сюжетных ситуациях и в саморефлексии (оба произведения представляют автоповествование персонажей). В первой статье мы обратим внимание на истории центральных персонажей, способ существования в инокультурной среде, а также на любовные коллизии, проявляющие попытку персонажей преодолеть социальную травму и синдром оторванности от целого погружением в сферу телесно-эротической жизни.

В творческом становлении Г. Иванова и Г. Миллера эмиграция во Францию сыграла важную роль. В Париже, где в 1930-х гг. они «дышали» одним и тем же культурным «воздухом» в преддверии Второй мировой войны, Миллер создал роман «Тропик Рака» (1934), а Иванов написал «Распад атома» (1938), повесть, по определению А.М. Ранчина¹ [5], или «лирическую поэму в прозе», по определению В. Ходасевича [6. С. 414]. Это проза о существовании эмигранта, утратившего самоидентичность в пораженном «раком», «распадающемся» европейском мире. Для Миллера «Тропик Рака» – обретение индивидуального художественного голоса, этот роман открыл его «парижскую трилогию» («Черная весна», 1936; «Тропик Козерога», 1939); для Иванова «Распад атома» – «поэтический крик», после которого он замолчал как художник до 1943 г.

Близость двух произведений была замечена современниками Иванова: так, Р.Б. Гуль видел в «Распаде атома» подражание Миллеру:

---

¹ А.М. Ранчин указывает на эпическую доминанту произведения: «В ивановской книге есть пунктирно намеченная фабула и несомненная развязка, наличествует и по крайней мере один персонаж – повествователь» [5].

«В стремлении к “эпатажу” Иванов уснастил свою книгу нарочитой и грубой порнографией, соперничая в этом с “Тропиками Рака и Козерога”» [7. С. 10]. В переписке с Гулем Иванов отрицал влияние Миллера, настаивая, что в 1937 г., когда он работал над «Распадом атома», «Миллера и в помине не было»¹ [8. С. 148]. Последующие литературоведческие исследования усматривают не генетические связи, а типологические схождения Миллера и Иванова в апокалипсической семантике названий (А.В. Трушкина [9. С. 11]), в теме женщины как души и тела Парижа (М.О. Рубинс [10. С. 94]). Типологические схождения прозы Иванова и Миллера лишь намечены в литературоведении; важно более пристально сопоставить представления писателей о современном человеке, выразившиеся в их прозе.

Главное основание для сопоставления заключается в том, что центральные персонажи повести Иванова и романа Миллера предстают нарраторами, а «я»-повествование преимущественно выявляет не исповедь, а самопознание и инвективу миру, который привел нарраторов-персонажей к пониманию их личностной неосуществленности. Оба героя – эмигранты среднего возраста, психологически близкие, но не тождественные авторам (хотя у Миллера сюжет романа опирается на его реальную историю жизни, а герой наделен именем и фамилией самого писателя). Национальная и личностная идентичность героев сформировалась в родных странах (в США, в России), в которых они прожили большую часть жизни; эмиграция привела к кризису идентичности, т.е. к отказу от исконной национальной идентичности и неприятию гетерогенной среды.

Кризис национальной идентичности – не в центре повести Иванова и романа Миллера, но попытка понимания корней собственного сознания, гетерогенной среды, этнической детерминированности любовных отношений, а также проявление национальных черт поведения в разных бытовых (и не только) ситуациях, наконец, рефлексия персонажами национальной специфики культуры и искусства (литературы) образуют важный сюжетный контрапункт, позволяющий сделать вывод о национальной самоидентификации русского и американского эмигрантов как важной составляющей личностной самоидентификации индивида.

По Миллеру, национальная идентичность человека детерминирована биологическим фактором («кровью»), роль культуры в национальном самоопределении менее значима. Однако «кровь» в современном чело-

---

¹ Иванов, вероятно, имеет в виду, что в конце 1930-х гг. Миллер был неизвестен русскому литературному Парижу.

веке перемешана («кровь» американца – это смешение европейских «кровей»), и его национальная и культурная самоидентификация размыта, не привязана к территории проживания; человек существует на границе культур, сам выбирает отечество. Так, герой Генри Миллер – потомок немецких эмигрантов, американец во втором поколении, эмигрировавший в Париж как «двойной» эмигрант. В его имени и фамилии соединяются англо-американское (Генри – англоязычный вариант немецкого имени Генрих) и немецкое (Миллер), что проявляется сюжетно, но таковы и другие персонажи романа, не только американцы. Многих русских и американских эмигрантов Генри называет евреями, что подчеркивает их смешанную национальную принадлежность, смешанность «кровей»: «...весь Монпарнас – сплошные евреи. Или полуевреи, что даже хуже. И Карл, и Пола, и Кронстадт, и Борис, и Таня, и Сильвестр...» [11. С. 47] («евреи» для героя романа – это обозначение любых эмигрантов, утративших родное пространство и рассеянных по миру). Показателен диалог миллеровского героя с незнакомой девушкой, которая на вопрос о ее национальности отвечает, что она англичанка, уточняя: «То есть вообще-то я родилась в Польше, но мой отец был ирландец» [11. С. 224]. Однако сменить национальную идентичность (из американца «сделаться европейцем» [11. С. 304]) ни для самого себя, ни тем более для окружающих невозможно.

Важно, что Генри возвращается не на исконную родину, не в Германию: этой связи нет. Он меняет национальную среду – смешанную американскую – на не менее смешанную французскую, парижскую, значительную часть которой составляют мигранты со всего мира. Друг Миллера Альфред Перле объясняет привлекательность Парижа для художников-эмигрантов тем, что столица Франции обеспечивала «образ жизни, невысказанный ни в одной другой точке земного шара» [12. С. 24]: несмотря на экономический кризис, жизнь в Париже оставалась сравнительно недорогой, что позволяло заниматься искусством. На национальную терпимость французов повлияла Великая Французская революция: «В Декларации прав человека и гражданина прослеживается идея отказа от расовых, этнических и религиозных различий в определении понятия французского гражданства»; по заявлению революционеров, «любой иностранец, испытывающий притеснения по политическим или религиозным причинам, имеет право на французское гражданство» [13. С. 104].

«Рак» в романе, помимо метафоры кризисного состояния современной цивилизации, ее болезни, – это и зооморфная метафора эмигранта, который, подобно «раку» или «крабу», может «двигаться в любом

направлении»¹ [14. С. 317]. «Крабообразным» движением можно назвать физическое и ментальное движение миллеровских героев-эмигрантов: не только центрального, но и других, которые в поисках Дома то эмигрируют, то возвращаются на родину (так, любовница героя, русская эмигрантка Таня, возвращается из Парижа в Советскую Россию, а потом снова в Париж). По Миллеру, эмигрант – это добровольный изгнанник, живущий не жизнью, предложенной сообществом (родом, нацией), а самостоятельно ищущий свое ценностное пространство (Дом).

По Иванову, национальная идентичность человека, напротив, связана с родной почвой (территорией) и культурой, и отрыв от почвы создает состояние тотальной несвязанности со всякой другой материей. «Атом» – эмигрант, оторвавшийся от целого (России), обреченный на духовный распад вне родины, в любой чужой среде, поэтому он воспринимает ее как *чуждую*. Поколение русских эмигрантов называется «неприкаянными тенями» [15. С. 8], что можно интерпретировать как пограничное существование между жизнью и смертью, не покой, а неуспокоенность.

Миллер и Иванов сближаются в скептической оценке национального сознания – американского или русского. Рефлексия героем романа Миллера американского национального характера рассредоточена по всему роману, реконструируется из системы персонажей, поведения и аксиологии персонажей-американцев и их сопоставления с персонажами других национальностей (русские, французы, индийцы, немцы). Доминирующие черты американцев, которые герой Миллера отвергает в себе и других, – оптимизм и прагматизм как стремление к деятельности, которыми они, показывая ложный идеал буржуазного существования, «заражают» остальной мир (в частности, индийцев). Однако оптимизм Генри иного рода: не бытовой, а онтологический, связанный с его мироотношением – абсолютным принятием бытия и самого себя. Вместе с тем истинный американец (сам герой, не другие) обладает витальностью и стремлением к свободе.

Ивановская концепция русского национального характера сосредоточена в третьей главке повести, в рефлексии нарратора: «Ох, это русское, колеблющееся, зыблющееся, музыкальное, онанирующее сознание. Вечно кружащее вокруг невозможного, как мошкара вокруг свечки» [15. С. 8]. Доминирующие черты русского национального ха-

---

¹ Семантику названия романа Миллер расшифровывает в письме Анаис Нин в августе 1938 г.: «Рак (краб), как известно китайским мудрецам, может двигаться в любом направлении. В зодиаке это знак поэтов, своего рода полустанок на пути к реализации» [14. С. 317].

рактера – идеализм и устремленность к запредельному – воспринимаются как бесплодные, как «метафизический онанизм» (эпитет «онанирующее» завершает ряд других эпитетов). Русский в рефлексии героя Иванова на этическом уровне противопоставлен среднему европейцу – «обыкновенному человеку» [15. С. 8], который довольствуется существованием в пространстве ограниченного быта, хотя обостренное чувство справедливости русского человека подвергается иронической оценке.

Чтобы прояснить причины эмиграции героя романа Миллера, необходимо обратиться к его воспоминаниям о жизни в США. Генри вырос «в немецком районе Нью-Йорка, более немецком, чем сама Германия» [11. С. 66]. Характеристика немецкого района определяет способ существования немецких эмигрантов в гетерогенной среде: не ассимиляция, а обособленность, превращающая его в концентрат-симуляцию немецкой национальной культуры. Герой с детства связан с немецкой культурой, не только с духовной (музыка), но и с материальной (еда), оба компонента одинаково важны для него: «Мы выросли там на Шумане, на Гуго Вольфе, на кислой капусте, кюммеле и картофельных клецках» [11. С. 66]. Несмотря на связь с немецкой культурой, он не считает себя немцем. В Париже немецкая культура отвергается им как буржуазная и сентиментальная, поскольку ее гармоничность обманчива, за ней – недостаток витальности. Однако в Генри есть и черты типичного немца, если опереться на характеристику немецкого сознания Г.Д. Гачевым [16. С. 115]: аккуратность, но и бунтарство, нигилизм. Можно предположить, что эти качества сформировались в нем под влиянием немецкой культуры (упоминается чтение Ницше, Фрейда, Штекеля и др.).

Нью-Йорк в «Тропике Рака», по наблюдению А.А. Аствацатурова, для автора и его героя символизирует наступление цивилизации, смерть духа и культуры [17. С. 197]. Генри – с юности социальный неудачник, внутренний эмигрант, который не мог найти место в США и бродяжничал по Штатам и странам Северной Америки (Канада, Мексика), что показывает американца не скитальцем, но ищущим место удачи, самореализации. Поскольку писательское самоосуществление невозможно в мелкобуржуазных Штатах, где творчество, не приносящее прибыли, не ценится, рождается идея отправиться в революционную Францию, в Европу как центр авангардного искусства. Важна и невопианность в социальную систему американской цивилизации: нет успешной работы, не складывается семейная жизнь. Гармоничные отношения с женой Моной, любимой и будто бы не буржуазной женщиной, построить не удалось. Жизнь с властной, манипулирующей садисткой стали «пляской смерти», подавляла его самость, сделали мазохистом. Семейная и соци-

альная атмосфера в Америке осознается как «тюрьма», подавляющая человека и стирающая его «я».

По Г.Д. Гачеву, для первых европейских переселенцев в Америку пересечение Атлантики было актом «инициации в Америку и забвения прежней жизни» [16. С. 179]. В эмиграции героя романа Миллера из Нового Света обратно в Старый Свет переворачивается ситуация инициации первых американцев: это, напротив, *отрицание* американского образа жизни и *возвращение* в пространство современной мировой культуры. Эмиграция героя, с одной стороны, бунт против американского мелкобуржуазного общества и побег от жены, подавлявшей его. С другой стороны, в эмиграции проявляется его американская идентичность. Г. Миллера, стремящегося «на протяжении всего своего пути “просто жить”» [18. С. 8], А.А. Аствацатуров помещает в американскую традицию философии, неотделимой от практики (Р. Эмерсон, Г. Торо и У. Уитмен). В этом контексте «бегство Г. Миллера из Америки в Европу <...> было чисто американским проектом» [18. С. 8]. Думается, и эмиграцию *героя* романа «Тропик Рака» можно истолковать как попытку реализации «американской мечты» в ее изначальном понимании: стремление к свободе, самостоянию и самоосуществлению.

Для героя повести Иванова эмиграция – не самостоятельный выбор, а вынужденное решение. Причины эмиграции героя «Распада атома» не названы, но можно предположить, что он покинул родную страну, чтобы спастись от революционной катастрофы в России, от распада «атома» национального целого. В словах героя о «покаянной тоске» [15. С. 8] обнаруживается ирония над чувством вины русского интеллигента за гибель России (цитирование Некрасова: «“А как живо было дитятко...”» [15. С. 8]), что снимает личную ответственность «маленького человека», неспособного противостоять движению истории. Однако слова о «пропасти ностальгии» выдают невозможность существования вне родины. Подлинная Россия погибла вместе с последним императором («царем»), нет иллюзий о ее возрождении или возвращении на родину. Для Иванова и его героя Россия – не только культура, история или память, но и монархия, государство. Советский мир оценивается как пугающее и враждебное пространство, стирающее личное и национальное «я» (одно из немногих упоминаний в повести, касающееся Советской России, – «страшный интернационал» [15. С. 8]).

Герои обоих произведений называют себя счастливыми, несмотря на страдания и социальное падение. В «Тропике Рака»: «У меня ни работы, ни сбережений, ни надежд. Я – счастливейший человек в мире» [11. С. 45]; в «Распаде атома»: «В сущности, я счастливый человек. То есть человек,

расположенный быть счастливым» [15. С. 7]. Счастье героя Миллера связано с независимостью, с жизнью в настоящем без оглядки на прошлое и будущее, со свободой художника, чего он был лишен в США. В утверждении о счастье героя Иванова ирония: его счастье в частных и недостижимых для него человеческих ценностях: гармонии, душевном покое, любви. «Атом» отрицает бытие и совершает самоубийство, а для Генри невозможна даже мысль о самоубийстве, он принимает бытие, пораженное «раком».

Ивановский герой, в отличие от миллеровского, лишен имени или фамилии. Анонимность – это знак типичности (тип русского эмигранта и типичный человек 1930-х гг.), но и знак стирания индивидуального и национального «я». Номинации «обыкновенный человек, ноль», «атом» [15. С. 24] подчеркивают его близость типу русского «маленького человека». Национальная идентичность проявляется в устремленности к метафизическому, к Богу, в ностальгии по Петербургу как символу России, в неприятии гетерогенной культуры. Париж и парижане чужды герою несмотря на то, что он в эмиграции более десяти лет. Здесь он социальный маргинал, не имеющий работы и определенного места жительства, но главное – тотально одинокий и погруженный в себя индивид. Многолетняя жизнь в отрыве от родной почвы превращает его в массового человека, ведущего существование по стереотипу (в самонаблюдении и самооценке персонажа). Отстраненно констатируя свою неисклнучительность, «атом» сопоставляет себя не с русскими, а со знаменитыми европейцами или американцами: он не герой («не Линдберг», в одиночку совершивший беспосадочный перелет через Атлантический океан) и не успешный творец массовой культуры («не Чаплин, не Монтерлан» [15. С. 32]).

В романе Миллера герой индивидуализирован, близок в интенциях к нищенскому сверхчеловеку, отвергающему прежние ценности и этические нормы. Париж для него – символ культуры, проникнутой жизнью, хотя и охваченной болезнью и распадом [17. С. 197]; здесь можно заявить о себе, это город художников – «эстрада, вертящаяся сцена» [11. С. 70], где человек рождается заново, как бы проходя обряд инициации. Подобно любому американцу (вновь опираемся на выводы Г.Д. Гачева), герой Миллера относится к новому отечеству так же, как и к оставленному: не как к «матери», а как к «шлюхе» [16. С. 182], пытаясь в Париже присвоить себе новое пространство. Вместе с тем Париж для него – не конечная точка пути, а этап творческого и экзистенциального становления, как и для многих других художников, упоминающихся в романе (Данте, Бальзак, Золя, Стриндберг и др.). У него нет иллюзий о Париже

как об обретенном рае, в отличие от другого американца, Филмора, сниженного варианта героя романа, его двойника, избравшего иной путь существования американского эмигранта.

Иначе у Иванова, для героя которого эмиграция – экзистенциальный тупик, у него нет альтернатив существованию в Париже (Берлин, появляющийся в воспоминаниях, – такое же чужое пространство). Он хотел бы вернуться в Россию, в родной Петербург, «пить пиво и есть раков теплым вечером на качающемся поплавке над Невой» [15. С. 25], но понимает неосуществимость этого желания. В мечтах о возвращении в родную страну – то же существование по стереотипу («пить пиво», как и в Париже), что фиксирует ограниченность героя.

Герой романа Миллера заявляет о нейтральности своей национальной идентичности: «не американец», «но еще менее европеец» [11. С. 174]. Д.С. Петров пишет о «скользящей самоидентификации» героя [19. С. 154]: «...отказываясь от социокультурных парадигм американского образа мысли, он в то же время не может стать европейцем» [19. С. 190]. Однако сюжетная логика романа, поведение героя в тех или иных сюжетных ситуациях корректируют это наблюдение. Сюжет романа «Тропик Рака» прочитывается как сюжет становления героя, конструирования его личностной самоидентичности. Сюжет рождения художника и создания романа, на наш взгляд, не в центре повествования, дан пунктирно: в центре творческая личность, погруженная в эмпирический поток, но творчество – лишь способ приближения к реальности. Погруженность в реальность центрального персонажа создает кумулятивную сюжетную схему: «нанизывание» событий, состояний и включений персонажа, связанных с его попытками выжить в Париже.

В кумулятивном сюжете романа Миллера можно выделить две сюжетные ситуации, связанные с национальной самоидентификацией героя-эмигранта: 1) жизнь среди «чужих» в 1–7-й главах; 2) жизнь среди «своих» в 8–15-й главах¹. В первой трети романа показано преимущественно взаимодействие героя с *чужими*, не американцами: жизнь среди русских эмигрантов (у Бориса в 1–2-й главах, у Сильвестра и Тани и в общине русских в 5-й, у Сержа в 6-й главе), среди индусов (у Нанантати в 7-й главе), бродяжничество по парижским улицам среди французов

---

¹ Деление условно: в первой половине романа появляется большинство персонажей-американцев, играющих важную роль в дальнейшем (Карл, ван Норден), а 4-я глава посвящена общению с американцем Карлом. Одна из глав второй половины романа (12-я) посвящена жизни героя рядом с бывшей русской княгиней (но в квартире американца Филмора), а в другой (14-й) герой работает во франко-американском лицее с французскими учениками (но учит их английскому языку).

(3-я глава). Во второй половине романа – взаимодействие героя *со своими*, с американскими эмигрантами, в чем проявляется его национальная идентичность. Ситуации в 8–15-й главах показывают бессознательное следование Генри американскому образу жизни и тягу к соотечественникам: попытки работать, чтобы обрести независимость (корректором в 8–9-й главах, преподавателем английского в 14-й), попойка с американцами (богачом Филмором и моряком Коллинзом) и их ностальгия по Америке (10-я глава), жизнь с Филмором (12–13-я главы) и помощь ему в возвращении в США (15-я глава). Представляется, что в смене сюжетных ситуаций есть логика движения сюжета: так проверяются национальная идентичность героя, возможность возвращения в родной национальный мир.

Сюжет повести «Распад атома» прочитывается как сюжет самопознания: герой не развивается, а раскрывается в проявлениях устойчивых свойств. Его фантазии, наблюдение за окружающими, рефлексия мировой культуры и мировой истории направлены не столько на познание мира, сколько на познание самого себя, поскольку, в его представлении, «история моей души и история мира» «сплелись и проросли друг в друга» [15. С. 15]. От осознания тотального распада и рефлексии «мирового уродства» как искажения духовной сущности современного человека и от иллюзии собственной отделенности от окружающего герой приходит к пониманию того, что он «сам частица мирового уродства» [15. С. 34].

Наиболее важна в национальной самоидентификации героев Миллера и Иванова любовная линия, так как ностальгические переживания героев сводятся не к национальному пространству, а к потере возлюбленных, символизирующих утраченный родной мир: Мона – Америку, возлюбленная «атома» – Россию. Женщины исконного пространства недостижимы, существуют в памяти героев. Для Генри Мона – всегда «она», о ней говорится в 3-м лице, а для «атома» возлюбленная – всегда «ты», с ней ведется непрекращающийся до последних мгновений жизни диалог. То есть герой романа Миллера, в отличие от героя Иванова, преодолел психологическую травму брошенной любимой женщиной.

Д.С. Петров замечает, что Мона – вне событий реальной жизни героя в настоящем времени, образ ее идеализирован, она не встраивается в систему женских персонажей романа Миллера [19. С. 159]. С ней связаны тема ожидания, надежды, дающей силы, и тема Америки, «утраченного дома, “открытки”, которую лучше держать в отдалении, но которая дает надежду на возвращение» [19. С. 171]. Мона, в отличие от возлюбленной героя Иванова, реальна и телесна, но они с Генри разделены Атлантикой, и возвращение к ней в Америку означает возвраще-

ние к прежнему образу жизни: психологическую зависимость от жены, подавление и утрату «я». Отношения героя с Моной не завершены, они не развелись и не расстались, но измучили друг друга в любви-борьбе. Упоминается, что они вместе были в Париже, расставались «в феврале, в порту» [11. С. 61].

В «Распаде атома» возлюбленная нереальна и бестелесна, ее образ подчеркнуто литературен, А.М. Ранчин видит в ней «гротескную пародию» на символистскую Прекрасную Даму [5]. Возвращение к ней невозможно, как и возвращение в Россию, так как возлюбленная, возможно, мертва («твоих погасших зрачков» [15. С. 15]). Воспоминание о расставании свернуто в рефрене: «Синее платье, размолвка, зимний туманный день» [15. С. 19]. Как и в «Тропике Рака», расставание происходит зимой, но у Миллера это февраль – преддверие весны, новой свободной жизни. У Иванова повторяющийся шесть раз рефрен выражает поглощенность на утрате, невозможность начать новую жизнь.

В обоих произведениях в любовной линии сюжета даны попытки героев преодолеть память о возлюбленных. Генри пытается отказаться от своей «американскости», чтобы стать художником, находящимся вне человечества, а значит, он должен забыть Мону, связывающую его с Америкой. «Атом» пытается забыть возлюбленную, чтобы избавиться от мучений, но не может отказаться от воспоминаний о ней, связывающих с утраченной родиной, в чем и проявляется его национальная и личностная идентификация, вопреки осознанию распада.

В Париже Генри зависим от Моны и психологически, и материально. Связывающий их локус – банк «Американ экспресс», куда Генри в первой половине романа периодически приходит в надежде получить деньги от жены из США. Несмотря на ощущение вины за невозможность быть ответственным за любимую, он не стремится восстановить ведущую роль в отношениях. Борьба с памятью как борьба за освобождение своего «я» проявляется в постоянных адресованных себе утверждениях, что он забыл Америку и Мону: «...у меня есть воспоминания, но образы утратили свою живость, стали мертвыми и ненужными» [11. С. 174]; «мысль об Америке никогда не приходит мне в голову. Она для меня дальше, чем потерянные континенты <...> Правда, порой я вспоминаю Мону, <...> как что-то отвлеченное» [11. С. 196]. Однако воспоминания о Моне и о жизни в Америке постоянны, поэтому утверждения героя воспринимаются попыткой самообмана и самовнушения об отрыве от жены и от США.

Воображаемый диалог героя с возлюбленной в «Распаде атома» напряжен, это объясняется желанием вернуть прошлое, но и желанием

забыть, освободиться, что сближает его с героем «Тропика Рака»: «Я хочу в последний раз вызвать из пустоты твое лицо, собрать перемешанное, истлевшее твое и мое, как горсточку праха на ладони, и с облегчением дунуть на нее» [15. С. 19]. Отказаться от воспоминаний не удастся из-за жалости к себе, вместе с тем их важно сохранить как воспоминания о лучшей жизни, о празднике молодости. Однако и уйти в воспоминания невозможно, неизбежно возвращение в реальность, в чуждый Париж. В «Распаде атома» распались не только любовные отношения, но и память о возлюбленной.

На фабульном уровне оба героя пытаются компенсировать неразделенное чувство в отношениях со сниженными замещениями возлюбленной: с любовницей, с проститутками. М.О. Рубинс считает, что проститутки у Миллера «связаны с изменчивой, неопределимой, бессознательной и иррациональной жизненной силой. Через половой акт герою дано преодолеть границы, поставленные физической природой и рациональностью, выйти за пределы своего субъективного и тесного “я”, освободиться от пут механистической цивилизации и слиться с безграничным универсумом» [10. С. 96]. Генри хочет не только эротического наслаждения, но и любви как духовного соединения, поэтому пытается заменить любимую жену в отношениях с русской эмигранткой Таней. Однако Таня, как и Мона, не принадлежит герою, несмотря на интимную близость, она зависима от мужа, более состоятельного, по сравнению с Генри, человека. Это показывает любовные отношения как борьбу за обладание другим человеком при материальной и духовной невозможности владеть.

Возможность для Генри быть вместе с Таней – отъезд в Советскую Россию. Таня исчезает из повествования в 5-й главе романа; влекомая ностальгией по родной стране, она едет в Советскую Россию, откуда возвращается в Париж в 9-й главе и пытается навязать Генри свой миф об обретении Дома и новой жизни в России. В сознании американского эмигранта этот миф отторгается пониманием, что современная Россия подобна Америке. По Миллеру, и в Америке, и в Советской России доминирует массовый человек с оптимистическим мироотношением, стереотипным мышлением и механическим существованием: «В России не нужны печальные лица, там хотят, чтобы все были бодры, полны энтузиазма, оптимизма и жизнерадостности. Для меня это звучало так, будто речь шла об Америке. Но от природы мне не дано такого энтузиазма» [11. С. 190]. В обеих странах, чтобы не оказаться «чужим», необходимо отказаться от индивидуальности. Генри отвергает возможность отъезда из Парижа, истончаются и связи с Таней.

В фантазиях герой Иванова бессознательно стремился компенсировать утрату молодой возлюбленной (мертвая девочка, «генеральная дочка»), и выбор проститутки в финальных главах повести – внешне юной, «хорошенькой девчонки» – это реализация фантазий. Попытка одухотворить воображением проститутку, поднять ее до уровня возлюбленной, до «Психеи» бесплодна. Половой акт – лишь физиология жизни, но не жизнь в многосложности ее переживания. Более того, разрушается миф о женщине как смысле существования: «легчайший, эфемерный и все-таки не уничтожимый <...> запах. Тот же, что от меня, голубка... <...> Значит, нет между нами ни в чем разницы» [15. С. 32].

В финальной, 15-й главе романа «Тропик Рака» в истории американца Филмора пародийно переворачивается ситуация, толкнувшая Генри к эмиграции. Генри бежал от американского мелкобуржуазного социума и от мучившей его любимой жены во Францию, но Филмор бежит в США от проститутки-француженки Жинетт, которая женит его на себе, манипулируя беременностью. Миф Филмора о свободной жизни в Париже разрушен, оказывается, «это не цирк, а просто арена, такая же, как и везде» [15. С. 305]. В побеге Филмора в США, которому помогает Генри, проявляется власть «крови» над человеком, невозможность окончательно разорвать с родным национальным миром: «Мы не можем себя переделать, как бы мы ни восхищались французами. Мы – американцы и должны оставаться американцами. <...> Мне нечего здесь делать» (слова Филмора [11. С. 304]).

Происходит акт самоидентификации героя романа Миллера: с деньгами Филмора, которые он обещал отдать Жинетт, но забирает себе, получена реальная возможность вернуться в Америку, но он остается в Париже. Крупная сумма дает иллюзию свободы и превосходства над другими, но остается осознание, что деньги будут потрачены, а положение в парижском социуме не изменится. Генри освобождается от воспоминаний и власти Моны, потому что приближается к обычным парижанам. Претензии героя на положение вне человечества снижаются: в финале он среди парижан, в пивной на берегу Сены, *внутри* цивилизации. Решение о возвращении в Америку не отвергнуто, но отложено, однако Генри не утрачивает американского сознания. В следующих романах Миллера его герой вернется в США сначала ментально («Черная весна», «Тропик Козерога»), а потом физически («Биг-Сур и апельсины Иеронима Босха», 1957), как и сам автор.

Герой повести «Распад атома» сохраняет русскую идентичность, но не может жить без любви и без духовной почвы. Он совершает самоубийство, не только отказываясь от существования в распадающемся

мире, но и реализуя интенцию русского сознания – пытается прорваться к запредельному, но безрезультатно: в вечности, в последние мгновения жизни не обнаруживается божественного присутствия, лишь воспоминание об утраченной любви: «Сквозь вращенье, трепет и блеск, понемногу проясняясь, проступали черты. Смысл жизни? Бог? Нет, все то же: дорогое, бессердечное, навсегда потерянное твое лицо» [15. С. 34]. Видение возлюбленной можно было бы воспринимать как утверждение любви, замещающей Бога и дающей последнюю надежду человеку в богооставленном мире, но за финальной сценой следует вставной текст – предсмертная записка героя, адресованная «многоуважаемому господину комиссару», по оценке А.М. Ранчина, «занимающему место Бога в мире “мирового уродства”» [5]. Записка объясняет причину самоубийства – осознание себя частицей «мирового уродства», а значит, самоубийство – не бунт против мироздания, а самосуд, экзистенциальный выбор.

Сопоставление повести Иванова «Распад атома» и романа Миллера «Тропик Рака» приводит к выводу о типологических сходениях прозы двух писателей, но решения проблемы национальной самоидентификации и проблемы существования человека в «распадающемся» мире у них различны. По представлению русского писателя, человек, оторвавшийся от «атома» родной страны и культуры, обречен на духовный распад, несвязанность с любой другой культурой. Миллер предчувствует современную ситуацию глобализации; территориальная идентичность современного человека, по представлению американского писателя, ослаблена: он самостоятельно выбирает отечество, хотя и не может сменить национальную идентичность, разорвать связь с родной страной.

Список источников

1. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М. : Флинта, МПСИ, Прогресс, 2006. 352 с.
2. Новая философская энциклопедия. М. : Мысль, 2010. Т. 2: Е–М. 640 с.
3. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М. : АСТ : Транзиткнига, 2004. 635 с.
4. Попова М.К. Национальная идентичность и ее отражение в художественном сознании. Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2004. 169 с.
5. Ранчин А.М. Экзистенциализм по-русски, или Самоубийство Серебряного века: «Распад атома» Георгия Иванова // Нева. 2009. № 9. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2009/9/ra15.html> (дата обращения: 06.09.2020).
6. Ходасевич В.Ф. Распад атома // Ходасевич В.Ф. Собрание сочинений : в 4 т. М. : Согласие, 1996. Т. 2. С. 414–418.
7. Гуль Р.Б. Георгий Иванов (вступительная статья) // Иванов Г.В. 1943–1958. Стихи. Нью-Йорк : Новый журнал, 1958. С. 5–16.

8. Г.В. Иванов, И.В. Одоевцева, Р.Б. Гуль. Тройственный союз. Переписка 1953–1958 годов / ред. Л.М. Сурис. М. : Петрополис, 2010. 277 с.
9. Трушкина А.В. Особенности поэтического мира Георгия Ивановна 1920–1950-х годов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 20 с.
10. Рубин М.О. Русский Монпарнас. Парижская проза 1920–1930-х годов в контексте транснационального модернизма. М. : НЛЮ, 2017. 222 с. URL: www.litres.ru/mariya-rubins/russkiy-monparnas-parizhskaya-proza-1920-1930-h-godov-v-kont/ (дата обращения: 27.12.2020).
11. Миллер Г. Тропик Рака // Миллер Г. Тропик Рака ; Черная весна : романы / пер. с англ. Г. Егорова, В. Минушина, Н. Пальцева. М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2020. С. 43–316.
12. Перле А. Мой друг Генри Миллер. СПб. : Лимбус Пресс, 1999. 352 с.
13. Торья Ж.Н. Проблема формирования национальной идентичности французской молодежи: социологический анализ // Коммуникология. 2017. Т. 5, № 6. С. 103–110.
14. Житкова Л.Н. Примечания // Миллер Г. Тропик Рака ; Черная весна : романы / пер. с англ. Г. Егорова, В. Минушина, Н. Пальцева. М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2020. С. 316–346.
15. Иванов Г.В. Распад атома // Иванов Г.В. Собр. соч. : в 3 т. М. : Согласие, 1994. Т. 2: Проза. С. 5–35.
16. Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. М. : Алгоритм, Эксмо, 2008. 544 с.
17. Аствацатуров А.А. Генри Миллер и его «парижская трилогия». М. : Новое литературное обозрение, 2010. 339 с.
18. Аствацатуров А.А. Генри Миллер и Уолт Уитмен // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. 2012. № 1. С. 3–6.
19. Петров Д.С. Роман Генри Миллера «Тропик рака» и европейский сюрреализм : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2006. 219 с.

References

1. Erickson, E. (2006) *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: Youth and Crisis]. Translated from German. Moscow: Flinta, MPSI, Progress.
2. Stepin, V.S. (ed.) (2010) *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Philosophical Encyclopedia]. Vol. 2. Moscow: Mysl'.
3. Huntington, S. (2004) *Kto my? Vyzovy amerikanskoj natsional'noy identichnosti* [Who are we? Challenges to American National Identity]. Translated from English. Moscow: ACT: Tranzitkniga.
4. Popova, M.K. (2004) *Natsional'naya identichnost' i ee otrazhenie v khudozhestvennom soznanii* [National identity and its reflection in artistic consciousness]. Voronezh: Voronezh State University.
5. Ranchin, A.M. (2009) *Ekzistentsializm po-russki, ili Samoubiystvo Serebryanogo veka: "Raspad atoma" Georgiya Ivanova* [Existentialism in Russian, or the Suicide of the Silver Age: "The Decay of the Atom" by Georgy Ivanov]. *Neva*. 9. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/neva/2009/9/ra15.html> (Accessed: 6th September 2020).
6. Khodasevich, V.F. (1996) *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected Works: in 4 vols]. Vol. 2. Moscow: Soglasie. pp. 414–418.

7. Gul, R.B. (1958) Georgiy Ivanov (vstupitel'naya stat'ya) [Georgy Ivanov (an introductory article)]. In: Ivanov, G.V. *1943–1958. Stikhi* [1943–1958 Poetry]. New York: Novyy zhurnal. pp. 5–16.

8. Suris, L.M. (ed.) (2010) *G.V. Ivanov, I.V. Odoevtseva, R.B. Gul'. Troystvennyy soyuz. Perepiska 1953–1958 godov* [G.V. Ivanov, I.V. Odoevtseva, R.B. Gul. Triple Alliance. Correspondence 1953–1958]. Moscow: Petropolis.

9. Trushkina, A.V. (2004) *Osobennosti poeticheskogo mira Georgiya Ivanovna 1920–1950-kh godov* [The poetic world of Georgiy Ivanov. 1920–1950s]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

10. Rubins, M.O. (2017) *Russkiy Monparnas. Parizhskaya proza 1920–1930-kh godov v kontekste transnatsional'nogo modernizma* [The Russian Montparnasse. The Parisian prose of the 1920s – 1930s in the context of transnational modernism]. Moscow: NLO. [Online] Available from: www.litres.ru/ma-riya-rubins/russkiy-monparnas-parizhskaya-proza-1920-1930-h-godov-v-kont/ (Accessed: 27th December 2020).

11. Miller, H. (2020) *Tropik Raka; Chernaya vesna: romany* [The Tropic of Cancer; Black Spring: novels]. Translated from English by G. Egorov, V. Minushin, N. Paltsev. Moscow: Inostranka, Azbuka-Attikus. pp. 43–316.

12. Perlès, A. (1999) *Moy drug Genri Miller* [My friend Henry Miller]. Translated from German. St. Petersburg: Limbus Press.

13. Toriya, Zh.N. (2017) Problema formirovaniya natsional'noy identichnosti frantsuzskoy molodezhi: sotsiologicheskii analiz [The problem of forming the national identity of the French youth: a sociological analysis]. *Kommunikologiya*. 5(6). pp. 103–110.

14. Zhitkova, L.N. (2020) Primechaniya [Notes]. In: Miller, H. *Tropik Raka; Chernaya vesna: romany* [The Tropic of Cancer; Black Spring: novels]. Translated from English by G. Egorov, V. Minushin, N. Paltsev. Moscow: Inostranka, Azbuka-Attikus. pp. 316–346.

15. Ivanov, G.V. (1994) *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Collected Works: in 3 vols]. Vol. 2. Moscow: Soglasie. pp. 5–35.

16. Gachev, G.D. (2008) *Mental'nosti narodov mira* [Mentality of the Peoples of the World]. Moscow: Algoritm, Eksmo.

17. Astvatsaturov, A.A. (2010) *Genri Miller i ego "parizhskaya trilogiya"* [Henry Miller and his "Paris Trilogy"]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

18. Astvatsaturov, A.A. (2012) Genri Miller i Uolt Uitmen [Henry Miller and Walt Whitman]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika*. 1. pp. 3–6.

19. Petrov, D.S. (2006) *Roman Genri Millera "Tropik raka" i evropeyskiy syurrealizm* [Henry Miller's Novel "The Tropic of Cancer" and European Surrealism]. Philology Cand. Diss. St. Petersburg.

Информация об авторе:

Назаренко И.И. – ассистент кафедры истории русской литературы XX–XXI вв. и литературного творчества филологического факультета Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: Nazarenko42@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.I. Nazarenko, postgraduate student, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Nazarenko42@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.05.2021;
одобрена после рецензирования 28.06.2021; принята к публикации 09.03.2022*

*The article was submitted 25.05.2021;
approved after reviewing 28.06.2021; accepted for publication 09.03.2022*